

ФОТОГРАФИЯ НЕ НАШЛАСЬ...

Телефонный звонок из Мордовии от краеведа Альбины Платоновны Абросимовой и сообщение о найденных эстонскими поисковиками останков уроженца с. Черемешева Башира Манеева стал для автора этих строк своеобразным приветом издалека. В солдатском медальоне сохранилась записка, с приведенными обязательными сведениями: Башир Бадретдинович Манеев 1922 г. р., призван на службу из Ленинграда, отец — Бадретдин Шарафутдинович. В 1943 г. солдат был награжден медалью «За Отвагу». Создалось ощущение, что Всевышнему угодно, чтобы исторический очерк о земляках-черемешевцах, опубликованный в апрельских номерах газеты «Юлдаш», был продолжен. В ходе этой работы автору довелось услышать рассказы не только о Башире Манееве и его близких, а еще узнать новые, неожиданные сведения о родственных связях своих предков.

В настоящее время в Петербурге проживают двоюродные сестры солдата и его 104-летняя няня (на фото). Они помнят, что к началу войны Башир уже был женат и имел ребенка. К сожалению, в их домашних альбомах нет и не было его фотографий. Война унесла миллионы жизней и не дала возможности родиться другим миллионам, поэтому и прямых потомков Башира Манеева нет. Женщины преклонного возраста за давностью что-то забыли, а чего-то не знали. Не будем этому удивляться, в годы их детства и юности взрослые с целью общей безопасности предпочитали не обсуждать вслух свои проблемы и, даже годы спустя, замалчивали некоторые факты. Их жизнь была суровой, они голодали, нуждались, знали о массовых репрессиях, хотя и не были свидетелями убийств. В психологии существует понятие «вытеснение», когда мозг человека, вырабатывая защитный механизм, бессознательно удаляет из памяти отрицательные переживания.

МАНИ ХАЛКЫ

Семью (род) Башира Манеева односельчане сто лет назад называли Мани халкы. У его деда Шарафутдина было четверо сыновей: Таджитдин, Бадретдин, Муса, Мубин, две дочери Сарби и Фарки, и, конечно, внуки. Дочери были замужем: Сарби за Навматуллой Забириным, а Фарки - за Садыком Мусалеевым. За детьми в доме Шарафутдин-бабая помогала присматривать Зайнаб Хайрулла кызы Мусалеева (урожденная Бикмаева). Она помнит имена всех внуков Шарафутдина, знает, что у Башира были две сестры: Саадат и Саджия, и считает, что однофамильцев в Черемешеве не было и быть не могло, а если фамилия одинаковая — значит дальняя родня. Зайнаб ханум родилась в

1911 г. в Лямбуре. Отец рано умер. В смутное предреволюционное время, не предчувствуя опасности, ее дед с дочерью и внучкой отправился в Киргизию, хотел там купить лошадей. Однако, дела не заладились. Мать с маленькой Зайнаб просили милостыню. С большими трудностями они вернулись назад. В годы революции дед умер, мать, Мяфту Файзулла кызы, вышла замуж и уехала в Пензятку, а Зайнаб взяли к себе Манеевы, у которых она прожила до замужества. В доме Шарафутдин-бабая девочку не обижали, а женщины-селянки при встречах старались приласкать и погладить по головке. Считалось, что даже такое внимание к ребенку-сироте — «саваб» (небесная награда). В 1929 году Зайнаб вслед за мужем уехала в Ленинград, родила шестерых детей, из которых ныне живы трое.

ПОБЕДА АППА

Из воспоминаний двоюродных сестер Башира Манеева, Загри ханум и Асии ханум, стало известно, что их отец Таджитдин (1886 — 1957), родной дядя Башира, начал периодически с 1907 года уезжать из деревни на заработки. Он был бездетным вдовцом, когда в 1911 г., женился на Латифе Саямовой (1893 — 1978) из рода «бай-солдат» халкы, и окончательно обосновался в Петербурге. Здесь он поддерживал тесные дружеские и родственные связи с Файсханом и Абдуллой Базеевыми, братьями первой жены, навещал их престарелую мать, свою бывшую тещу. Когда из Черемешева в Ленинград перебрались остальные братья Таджитдина и с какого времени в городе жил его племянник Башир, Загря ханум и Асия ханум не знают. В конце 1920-х гг. Таджитдин с семьей на некоторое время покидал Ленинград. Они уезжали в Башкирию, где смогли устроиться знакомые татары, но Манеевым пришлось вернуться обратно. Супруги там похоронили двух детей, а всего у них было двенадцать, вырастить они смогли пятерых. Таджитдин Манеев был человеком глубоко верующим, строго следовал предписаниям шариата, ходил в мечеть. К сожалению, братья Таджитдина, поддавшись атеистической пропаганде и вкусив прелести вседозволенности, вели неблизкий ему образ жизни, выпивали, поэтому они виделись редко. Братья с другими земляками трудились на одном из старейших производств — заводе резиновых изделий «Красный треугольник», бывшем Товариществе российско-американской резиновой мануфактуры. В довоенные годы Таджитдин Манеев работал дворником на обувной фабрике «Пролетарская победа», семье была выделена комната в доме на территории производства. Требования к чистоте в городе тогда были очень высокими, рабочий день - не нормированным, поэтому фактически на уборке трудилась вся семья. С начала 1930-х гг. Таджитдин на общественных началах состоял казначеем и членом двадцатки (комитета) мечети вплоть до ее закрытия в 1940 г. После войны Т. Манеев с другими активистами ездил в Москву, добивался регистрации мусульманской общины и открытия мечети. Земляки приглашали его ведущим на меджлисы, никях, имя наречение. Необходимо пояснить, что уровень конфессиональных знаний у татар в то время был очень высоким, а вот русским языком они практически не владели и считались неграмотными. Его супруга Латифа ханум, тоже пользовалась большим уважением среди односельчан, автор тому свидетель. Семья Таджитдина осталась в блокадном Ленинграде. Они жили на окраине, на Цветочной улице и, что удивительно, отец, переживая за жизни детей, сохранил корову. Сено было конфисковано, скотину кормили ветками, и существовала она в подвешенном состоянии, а весной, когда ее вытащили на первую траву, оказалась, что стоять корова не может, у нее тут же

расползлись ноги. В августе 1942 г. семью эвакуировали, они были вывезены на катерах по Ладожскому озеру (дороге жизни), добрались до Черемешева, и жили у сестры Латифы ханум до 1946 г. Вот в этот период в Черемешево приезжал Башир Манеев в отпуск по ранению.

Семьи у татар были многодетными, имена повторяющимися, и в Питере, сохраняя деревенские традиции, они давали друг другу прозвища для ясности и моментального понимания о ком идет речь. Например, жену Таджитдина называли «победа апа», даже после того, как семья переехала с территории фабрики «Пролетарская победа» в г. Пушкин (ныне Царское Село), а его самого — «кпяч-бабай», лично обращаясь Таджук абзи. Таджитдин Манеев был крепким, здоровым мужчиной, а прожил 71 год. Пневмония тогда была неизлечима. Расходы на похороны этого уважаемого человека взяла на себя мечеть, открытия которой он добивался целых десять лет.

ТАТАРСКИЙ ПОСЕЛОК В ЕГОРЬЕВСКЕ

Разбросанные по всей России черемешевцы не теряли связей с родиной. Многие женщины приезжали рожать в деревню. В Черемешево им было спокойнее и привычнее. Медики признают, что роды в натопленной бане, когда мышцы расслаблены, проходили легче. Татары переписывались, ездили друг к другу, несмотря на большие расстояния, старались помогать, чем могли, посылали в деревню посылки с поношенными вещами, из которых вырастали их дети, и другим необходимым. Порой доходило до курьеза.

Бабушке Исхака Максутова, доводившейся старшей сестрой матери Абдуллы Базеева, прислали посылку с хозяйственным мылом и печеньем. Печенье так впитало в себя запах мыла, что есть его было не возможно. После войны из Подмосковья приезжала в деревню за коровой Магеря Салямова (урожденная Максутова, сестра Исхака), бабушка автора этих строк. В обратный путь она отправилась в г. Егорьевск пешком, дошла и довела корову, а это более 500 км! Отметим, в Егорьевске одна из улиц была застроена домами черемешевцев, трудившихся до войны на стройках, зарабатывающих грузоперевозками на собственных лошадях, ее так и называли «татарский поселок». В настоящее время там живут лишь две женщины-татарки. Дома распроданы, старики перешли в мир иной, их дети, давным-давно отправившись учиться в Москву, больше не вернулись.

В заключение хочется сказать, что если бы не благородная работа поисковиков из Эстонии, которые взяли на себя такую сложную миссию, не было бы этого рассказа и воспоминаний о тех событиях и людях.

Альмира

Тагирджанова, краевед. Санкт-Петербург